

В ДУШЕ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Действующие лица:

АНДРЮША, 25 лет

АЛЕНКА, его сестра, 20 лет

ВЕНЕРА АГАТОВНА, 50 лет

ГОША, сын Венеры Агатовны, 18 лет

ОКСАНА, 30 лет

СОСЕДКА, ей около сорока лет

ДРУГИЕ ЛЮДИ

КОШКИ

Список. Написан мелом на стене:

АНДРЮША И АЛЕНКА. ПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ НАШИХ ЖЕЛАНИЙ.

1. Оформить документы на квартиру. Как-нибудь, при случае.
2. ~~Получить права (Аленка).~~
3. Получить права (Андрюша).
4. Нужна машина, иномарка. Можно пока небольшую, можно пока одну.
5. ~~Спортивный велосипед (Аленка).~~
6. ~~Айфон 5 (Андрюша).~~
7. Айпад.

8. Купить корм коту.
9. Отпуск в Вене, в том отеле, про который мы смотрели по телевизору.
- ~~10. Получить загранпаспорта.~~
11. Получить визы, или лучше мультивизы.
12. Записаться на йогу.
- ~~13. Победить в конкурсе рекламщиков (Андрюша).~~
- ~~14. Устроиться на хорошую работу (Андрюша).~~
15. Раскрутить свой какой-нибудь бизнес.
16. Позвонить маме - сказать, что у нас все хорошо.
17. Похудеть до 42 кг (Аленка).
18. Набрать мышечную массу до 65 кг (Андрюша).
19. Заплатить коммуналку.
20. Получить премию Пулицера.
- ~~21. Сделать коту маникюр.~~
22. Удачно выйти замуж за умного, богатого и талантливого человека. Можно даже за старого и некрасивого (Аленка).
23. Никогда не жениться (Андрюша).
24. Вынести мусор. Неделю стоит воняет .

Приписка:

«Неделя уже, как ты написала про неделю». - «Раз такой умный - пойди и вынеси».

1.

Небольшая уютная комната, точь-в-точь, как в фильме про американских подростков. Посреди комнаты стоит диван цвета вырвиглаз. На стене висят фотографии в рамках,

огромный постер, спортивный велосипед. Над компьютерным столом козырьком нависает кровать. На подоконнике – цветы. Под потолком прикручены колонки – разных форм, размеров и цветов. Вещи повсюду – кучей свалены в кресле, висят на шведской стенке, стопкой сложены на полу возле дивана, кое-что болтается на крючках, прибитых прямо к двери комнаты. Есть стеллаж с дисками, книгами, коллекцией курительных трубок, несколькими деревянными тотемами, футбольным мячом, светящимся глобусом. Сам стеллаж обмотан дюралайтом. На полу – несколько маленьких ковриков. Одни – из искусственного меха и в виде шкур животных, другие – из цветных лоскутков и ручной работы.

Свободная часть стены выкрашена специальной краской. На ней мелом написан список с заголовком «Андрюша и Аленка. Полный перечень наших желаний».

На диване, с ноутбуком на коленях, сидит Аленка. Рядом, с огромным слепым котом на руках – Андрюша. Аленка и Андрюша улыбаются в монитор.

АЛЕНКА. Привет, мам, приве-е-ет! Как дела-а-а?

Аленка энергично машет рукой.

АЛЕНКА (коту). Эдип, помаши маме ручкой.

Андрюша водит лапкой кота – вроде тот ею машет.

АНДРЮША. Приве-е-ет!

АЛЕНКА. Мам, смотри, у нас твой цветок зацвел.

Аленка разворачивает монитор к окну – показывает компьютеру цветок на подоконнике.

АЛЕНКА. Представляешь? Вчера распустился.

АНДРЮША (ноутбуку). Ты с глазами в больницу ходила? Я в инете смотрел по симптомам – все не страшно, все лазером легко лечится. Мам, прикинь, я ж на конкурсе за свою рекламу первое место взял. Во диплом – смотри. Фамилия наша звучит, короче!

Показывает компьютеру диплом.

АНДРЮША. По деньгам у тебя что? Нормально? У нас с Аленкой сейчас напряжно, конечно... Да, мам, не страшно. Не страшно. Да фигня-вопрос. Да выкрутимся как-нить.

До конца месяца перекантуемся, а там у меня уже первая зарплата. На работе? Нормально все на работе. Очень даже хорошо.

Аленка ржет.

АЛЕНКА. И начальство его просто обожает!

АНДРЮША (шепчет Аленке). Заткнись.

АЛЕНКА. Венера Агатовна – такая добрая начальница у них. Страшно всегда заботится о своих кадрах.

АНДРЮША (шепчет Аленке). Осади, говорю. Тебя несет.

АЛЕНКА. Не, мам. Эт я так... Реально все классно у него на работе. У него же теперь и диплом еще. Он очень крутой рекламщик, мам – я те говорю! Дак я и в курсе, что ты не сечешь в специфике этой профессии. Вот и верь мне поэтому на слово. Смеюсь? Не, я не смеюсь. Я над Эдипом угораю. Он щас, короче, такую морду сделал, будто человек. Он у нас вообще, как настоящий... То есть – он и так, конечно, настоящий (смеется). В смысле – как живой...

АНДРЮША. Короче говоря, имеется в виду, что у него мимика человеческая. У него все на морде отражается, если он не доволен. (Коту) Иди, гуляй!

АЛЕНКА. Не, мам, я шкатулки больше не делаю. Да кому они тут на фиг нужны, эти шкатулки? Они только твоих теток с работы прикалывали. В Урюпинске нашем загашенном. Я щас во че делаю (показывает) – чехлы всякие на планшетники, клатчи еще. Но клатчи – только на заказ. А? Ну да, так-то дома сижу, учусь еще. Воздухом дышу вон в форточку. Мам, шучу, я еще на велике гоняю. Все норм у нас, все классно.

АНДРЮША. Мы любим тебя, мамочка-а-а! Тете Вафе приве-е-ет!

АЛЕНКА. Не боле-е-ей...

АНДРЮША. Лечи-и-ись...

АЛЕНКА. Пока-а-а!

АНДРЮША. Пока-а-а!

АЛЕНКА. Пока-пока-а-а!

Энергично машут руками, шлют воздушные поцелуи.

АНДРЮША. Пока-а-а!..

Связь с мамой прерывается.

АНДРЮША. Фу... Как тяжело.

АЛЕНКА (водит челюстью в разные стороны, мнет пальцами щеки). У меня аж скулы свело.

АНДРЮША. Все, вычеркивай.

Аленка мелом вычеркивает из списка на стене надпись «16. Позвонить маме. Сказать, что у нас все хорошо».

АНДРЮША. Я вот только смеха твоего дебильного не понял. Про мою работу.

АЛЕНКА. Прости, Дюша. Сорвалась. Я как про твою Венеру Агатовну вспомню... (опять смеется) Не могу смеяться, щеки болят.

АНДРЮША. Короче, мама денег нам не даст. Накроется, чую я, наша Вена... Надо отцу звонить.

АЛЕНКА. Сам своему звони. Из моего мы уже все вытрясли.

АНДРЮША. Когда это?

АЛЕНКА. Так-то мы уже три месяца живем на деньги, которые он мне типа на учебу прислал, типа в школе менеджмента.

АНДРЮША. Мы на эти деньги так долго живем?

АЛЕНКА. Что ты! Менеджмент – такая жутко востребованная вещь, что цены на образование заоблачные.

АНДРЮША. Да?

АЛЕНКА. Без понятия. Но папе я чет-тип-того налепила.

АНДРЮША. Придумай, на что мне сейчас могут срочно понадобиться деньги?

Андрюша достает из кармана айфон.

АЛЕНКА. Может, ты тяжело болен? Ну, или лучше – не очень тяжело, а так... Короче, нужно что-нибудь редкое и не особенно симптоматичное. На тот случай, если дядя Боря придет тебя повидать. Чтобы тебе не сильно пришлось придуриваться. Ты, конечно, очень талантливый...

АНДРЮША. Я вот думаю, что, может, проще с Венеры Агатовны сдоить?

АЛЕНКА. Я, по ходу, недооцениваю эту тетку. Ой, я тогда тоже хочу с ней подружиться. Как прошел ваш разговор?

АНДРЮША. Умотала она меня. Это было даже не интересно. Первой же фразой сдала себя с потрохами. Никакой тебе интриги. Я чуть со скуки не подох.

АЛЕНКА. Все? Врезалась? Аж призналась? И прям так и сказала, что любит?

АНДРЮША. Как бы, не прямым текстом, но по смыслу – так.

АЛЕНКА. Старая дебилка.

АНДРЮША. Да не, она так-то хорошая.

АЛЕНКА. Только больная на всю голову.

АНДРЮША. И слава богу. От нее еще всегда вкусно пахнет. У нее какие-то офигенные духи. Я нигде не могу их найти. Также такие хочу. Они унисекс. Надо будет у нее отжать. А че? Попрошу ее – пусть мне подарит.

АЛЕНКА. Она тебя изнасилует. За духи, за бабосы на Вену.

Аленка снова открывает ноутбук, что-то печатает.

АЛЕНКА. А ты реально мог бы?

АНДРЮША. Что?

АЛЕНКА. Ну... С ней... Вот так...

АНДРЮША. Ну да. А че?

АЛЕНКА. В принципе, да... Че такого-то?

АНДРЮША. Ради нашего с тобой благополучия...

Ржут.

АЛЕНКА. Тебе Оксана пишет.

АНДРЮША. Ты от меня сидишь? Что пишет?

АЛЕНА. Пишет, что у нее опять это началось.

АНДРЮША. Нет, пожалуйста.

АЛЕНКА. Ну вот. Как-то так.

АНДРЮША. А что началось-то?

АЛЕНКА. Цитирую. «Я думала, что все прошло, а сегодня наткнулась на твой подарок – ревела весь день. У меня опять это началось. Не могу без тебя».

АНДРЮША. Понятно. И что я ей ответил?

АЛЕНКА (печатает). Ты ответил, что тоже скучаешь.

АНДРЮША. Зачем?

АЛЕНКА. На всякий случай. У нее дядя в австрийском посольстве работает, а нам скоро визу получать. Да и ей разве много надо?

АНДРЮША. Знаешь, всем понемногу – а в итоге... Я хожу пустой, как барабан.

АЛЕНКА. Она ж в Урюпинске.

АНДРЮША. Ты ее сейчас так обнадежишь – она и приедет. Она сумасшедшая.

АЛЕНКА. А что ты ей подарил?

АНДРЮША. Кому?

АЛЕНКА. Оксане. Она все пишет про этот подарок, про то, что он ей постоянно напоминает о тебе. Что она его, цитирую, «бережно хранит» и «прижимает к сердцу».

АНДРЮША. Подарок? Я не помню, что я ей дарил. То ли бомбочку для ванны, то ли ароматическую свечку какую-то...

Арт-кафе «АтмаСфера». Помещение декорировано тканями сиреневых и желтых цветов . Ткани свисают с потолка, ими же украшены стены. Длинноволосые бородатые парни, рыжие кудрявые девушки, лысые тощие женщины в ярких шапочках и с татуировками – группками сидят вокруг низеньких деревянных столиков, скрестив ноги по-турецки. Курят кальян, рисуют друг другу хной на руках, негромко стучат в африканские барабаны. Венера Агатовна, ее сын Гоша, Андрюша и Аленка – так же сидят по-турецки вокруг своего столика. Из колонки, висящей над ними, раздаются звуки какой-то мантры. На столике в прозрачном заварном чайнике распускается желтый цветок, похожий на одуванчик. Все четверо, не отрываясь, смотрят на цветок. Гоша шевелит губами – беззвучно считает. Так продолжается довольно долго. Наконец, Гоша громко объявляет...

ГОША. Триста сорок семь! Все, заварился, можно пить.

Гоша разливает заварку из чайника по чашкам.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Место выбрал Гоша. Он у меня любит всякое такое. И всяким таким увлекается.

АЛЕНКА. Тут классно.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. И эзотерикой он у нас еще увлекается тоже.

АЛЕНКА. Да? Как интересно.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Не знаю, как я этому эзотерику буду дела передавать.

АНДРЮША. Ой, ну вы что такое говорите-то? Про это, наверное, думать еще не скоро надо начинать?

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Просто хочется скинуть кому-нибудь всю рутину и пожить для себя. Я так упахалась за эти годы, Андрюша.

АНДРЮША. А, только что если в этом смысле...

ВЕНЕРА АГАТОВНА. У нас контакт как-то не особо налажен - да, Гоша?

Гоша не отвечает. Он пьет чай.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Он у меня такой инфантильный... Андрюша, займись мальчиком? Вы с ним все-таки как-то больше на одной волне. Просто хотя бы введи в курс дела, по работе, самое основное там... Вы могли бы заниматься в офисе, или хоть у нас дома – где хотите, где договоритесь.

АНДРЮША. В офисе, конечно, логичней. Но дома, наверное, Гоше удобней?

АЛЕНКА. Так и у нас можно. Какая разница-то?

ВЕНЕРА АГАТОВНА. По-разному можно. Пусть вникает, пора уже. А то – привык на всем готовом. А тут еще мама нам белый билет купила... Очень удобно. Мы и совсем расслабились – да, Гоша? Мне хотелось бы, чтобы вы больше времени проводили вместе, общались. А то недостаток мужского воспитания сильно сказывается...

ГОША. Вот спасибо, мама. Я - на йогу.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Сядь.

ГОША. Давай вот только ты не будешь начинать, хорошо?

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Сидишь, как неживой. Принимай участие в беседе.

ГОША. Я не знаю, что говорить. Меня почему-то не посещают мысли, которыми мне хотелось бы сейчас делиться.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Гоша, выйди из-за стола на секундочку.

Венера Агатовна вытаскивает Гошу из-за стола, отводит его в сторонку, что-то шепчет ему, активно жестикулирует, дергает Гошу за рубашку. Гоша только закатывает глаза и тяжело вздыхает.

АЛЕНКА. Мы пришли денег попросить? Или мы прыщавого усыновляем?

АНДРЮША. Ориентируйся по ситуации. Но курс держи на Вену, поняла?

АЛЕНКА. Сынок-то совсем чудак какой-то.

АНДРЮША. Слабо?

Венера Агатовна и Гоша возвращаются, садятся по-турецки.

ГОША. Меня вынуждают говорить. Так что вот могу заметить, что у вас, Андрей, очень высокая частота вибрации кожи. Это значит, что вы человек целеустремленный, напористый. Практически негибачемый.

АЛЕНКА. Частота вибрации кожи?

ГОША. Что?

АЛЕНКА. Ты типа ее чувствуешь?

ГОША. Да. У меня – врожденное. Но этому можно и научиться. Нужно просто поработать с определенными точками на теле...

АЛЕНКА. Реально чувствуешь, да? А у меня какая частота?

ГОША. Не пойму пока. С тобой - сложно что-то. На тебе надо специально концентрироваться.

АЛЕНКА. А научить меня можешь?

ГОША. Я могу, если хотите...

АЛЕНКА. Прикольнo, я же и говорю, что хочу. Надо добавить в наш список пунктик – научиться распознавать частоту вибрации кожи. Да, Андрюш?

АНДРЮША. Обязательно, непременно.

АЛЕНКА. Чтобы – для стимула.

ГОША. Пунктик?

АНДРЮША. Это так, ерунда...

АЛЕНКА. Это, у нас типа...

АНДРЮША (Аленке). Нет, пожалуйста. Только не надо сейчас про это рассказывать, хорошо? Я оч ты прошу.

ГОША. Расскажите!

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Если не хотите - не рассказывайте.

ГОША. Мам, по-моему, ты мешаешь нам налаживать контакт.

АНДРЮША. Этот список...

АЛЕНКА. Такая чушь, на самом деле.

АНДРЮША. Очередная наша попытка вырваться из среды, которая нам досталась, что называется, по праву рождения.

ГОША. Ого!

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Гоша!

ГОША. Да ладно, че ты. Я просто выражаю свои эмоции. Открыто. Это – нормально. Зверек сворачивается в клубок, когда в него тычут палкой, понимаешь?

Венера Агатовна закрывает глаза и шумно выдыхает.

ГОША. Правильно. Выдыхай.

АНДРЮША. Есть у нас, короче говоря, такой список – список наших... целей, что ли. Назовем это так.

АЛЕНКА. На самом деле, там просто перечень атрибутов благополучной жизни.

АНДРЮША. Ну, как мы ее себе представляем. Дела, предметы, занятия, поездки, всякое такое.

АЛЕНКА. Когда мы с Андрюшей решили жить самостоятельно, и уехали из Урюпинска – мы прям поклялись себе, что у нас будет все, о чем мы мечтаем. И составили этот список. Там много всего. Мы его постоянно пополняем. Что-то вычеркиваем – чего уже добились. Если пойти по пунктам...

АНДРЮША. Вот по пунктам сейчас точно идти не надо!

ГОША. Это же самое интересное.

АЛЕНКА. Ну, вам это, конечно, покажется смешно. Потому что для вас это такая обыденность и, как бы, ничего особенного. Но вот там, например, у нас были айфон, велосипед, коту маникюр, устройство в ваше рекламное агентство, кстати, тоже (кивает Венере Агатовне)... Что еще? Загранпаспорта... Это я сейчас перечисляю то, что мы уже вычеркнули. Видите, какие глупости?

АНДРЮША. Ты скажи хоть, что там и приличное есть – типа там книгу написать ты хочешь.

АЛЕНКА. А вот еще Андрюша хотел на конкурсе со своей рекламой победить, и победил.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Это просто поразительно. Ты это слышишь, Гоша?

ГОША. Я сразу сказал, что Андрей очень целеустремленный человек.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Вы - инопланетяне.

АНДРЮША. Смеетесь?

АЛЕНКА. А сейчас у нас идея фикс – сгонять в Вену. Мы никогда не были нигде за границей... Это наша главная, самая большая такая, заветная, что ли, мечта.

АНДРЮША. На данный момент.

АЛЕНКА. Да, на данный момент.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Прекрасно!

АНДРЮША. Вот. Но с Веной у нас пока все плохо – никаких сдвигов.

АЛЕНКА. То есть, как бы, мы загранпаспорта-то сделали, и визу нам, скорей всего, дадут...

АНДРЮША. Мы даже по времени выгадали. Но с деньгами щас че-то такая напряженка.

АЛЕНКА. У нас мама приболела.

АНДРЮША. Ничего страшного, в принципе...

АЛЕНКА. Короче, там надо сделать лазерную операцию на глазах. Вот мы все, что скопили – ей отправили, чтобы она с этим делом не тянула. Не шутки, как бы...

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Гоша?!

ГОША. Слышу, слышу. Восхищен. Ребята реально молодцы.

АНДРЮША. Так что Вену мы пока отложим до лучших времен.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Ты отпуск у меня в июле берешь?

АНДРЮША. Планировал. Но теперь – какой смысл? Теперь буду работать и зарабатывать.

АЛЕНКА. Такие вот дела.

АНДРЮША. Такая вот история, да.

АЛЕНКА. Так что про частоту вибраций – не забыть нам записать.

АНДРЮША (показывает айфон). Уже забил напоминание.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Подождите. Андрюша, давай без самодеятельности. В отпуск пойдешь, как собирался. Вы мне скажите: вам там сильно много на эту вашу Вену надо?

АЛЕНКА. Прилично.

АНДРЮША. На двоих же...

АЛЕНКА. У нас, конечно, осталось кое-что. И мне, может, повезет еще скинуть пять-семь чехлов...

АНДРЮША. Но штук шестьдесят еще надо, по любому.

Молчание.

АНДРЮША. Мечты у нас, конечно...

ГОША. Да, заоблачные.

Молчание.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Поедете вы в свою Вену. Не вопрос.

ГОША. Да ну?

АНДРЮША. Сразу говорю, что никаких денег у вас мы брать не будем. Просто потому что – нет. Вы золото-человек, Венера Агатовна. Я дорожу вашей любовью и вашим ко мне доверием, так что – нет. Я не знаю, когда смогу вернуть – это во-первых. А во-вторых...

АЛЕНКА. А во-вторых, мы хоть и не обременены деньгами – обременены какими-то элементарными принципами. Так что...

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Я не собираюсь занимать вам денег. Боже упаси!

ГОША. Спасибо, небо, что подарило этой женщине мозг.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Я только хочу напомнить обремененным принципами людям, что мое рекламное агентство – частное. Это значит, что я могу, скажем, авансом выдать сотруднику, тринадцатую зарплату – двадцать тысяч...

ГОША. Беру свои слова обратно.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Потом еще столько же, Андрюша, вам положено отпускных...

ГОША. Офигеть просто...

ВЕНЕРА АГАТОВНА. И, наконец, за ваши успехи в рекламном бизнесе, вам выписывается премия на похожую сумму.

АНДРЮША. Венера Агатовна...

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Это все ваши честно заработанные, Андрюша. Алена, я еще хотела бы заказать у вас чехол на Гошин планшет.

ГОША. Мне не нужен чехол!

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Сколько это может стоить?

ГОША. У меня есть чехол!

АЛЕНКА. Для вас – нисколько, конечно же...

ГОША. У меня нет планшета!

Гоша достает из сумки свой планшет и кидает его в стену.

Молчание.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Сколько. Это. Может. Стоить.

АЛЕНКА. Да ну нет, да ну что вы! Венера Агатовна, и Гоше не нужно, и мы обойдемся. Вы и так уже очень нам помогли. Да ну нет, да ну что вы, да ну тыщи три... обычно мне дают. Но это много.

Молчание.

У Венеры Агатовны очень вовремя зазвонил телефон.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Я прошу прощения, у меня важный звонок.

Венера Агатовна улыбается Андрюше, встает из-за стола, уходит - говорить по телефону.
За столом остаются Андрюша, Аленка и Гоша.

ГОША. Грандиозно.

К Гоше подходит кудрявая рыжеволосая девушка и кладет перед ним на стол шоколадку с запиской – «Все будет хорошо!»

ГОША. Спасибо, все и так неплохо.

Девушка улыбается, пожимает плечами, уходит.

АНДРЮША. А выходка была дурацкая.

ГОША. Это ты дурацкий. Я, конечно, ничего не хочу сказать. Я, конечно, за мир во всем мире. Но таких лохотронщиков, как вы, отстреливал бы из автомата Калашникова.

Понятно, она – немолодая, страждущая, выжившая из ума. Но не при мне, а? Сидит перед вами очевидно здравомыслящий человек, и вы, не стесняясь, разводите его мать на бабки.

АЛЕНКА. Ого, какой разговорчивый оказался.

Молчание.

АНДРЮША. Слушай меня, педовка малолетняя, эзотерик хренов. Плевать мы хотели на твои тупые умозаключения. Ты меня не воспитывай, вообще со мной не разговаривай – вот тебе мой совет. Это таких, как ты, отстреливать надо.

ГОША. Я ей все передам. Все, что ты только что сказал. Пусть знает.

АНДРЮША. Валяй. А я потом скажу так: «Бедный Гоша – его можно понять, он вас так любит. Это ревность, это естественно. Все будет хорошо, не сердитесь, ему просто нужно время». И стану для нее еще и святым.

Молчание.

АНДРЮША. Подожди, сейчас я тебя напугаю. Сейчас я расскажу про то, как сильно тебя не люблю.

Андрюша наклоняется над столом, к самому лицу Гоши.

АНДРЮША. Надо мной же очень сильно издевались в детстве. Я учился в школе для богатых детей. Меня туда по блату засунули - тетя Вафа подсуетилась, завучем работала. Я эту суку с детства ненавижу, тупая овца. Все дети на машинах, одеты, с телефонами, все у них, как надо. Ну и че? До шестого класса мне постоянно что-нибудь – «хер» там на куртке мелом писали, булки на парту крошили, портфель отбирали, бомжом обзывали и всяко-разно.

ГОША. Мне по барабану вообще.

АНДРЮША. Дак а я еще че... Мне, как бы, стремно было, что у меня телефона нет. Я тетрис в карман запихал – типа это у меня мобильник. Так-то в кармане – не видно, не понятно, че там. И, короче, пацан там был один, Леха Запивохин – стал меня цеплять. Он постоянно до меня докапывался. Я говорю ему, что сейчас тете Вафе позвоню, и хана ему будет. А он мне – «звони». Ну, я достал из кармана тетрис, давай по тетрису звонить. Все, конечно, спалили, что это ни фига не телефон. Запивохин у меня его забрал и раздолбал тут же об парту, поржал еще...

АЛЕНКА. Не, вот не дебил, а?

АНДРЮША. Ну, а потом... Потом они меня всем классом за вранье наказывали, честным быть учили. Так учили, что я два месяца в больнице провалялся. Как думаешь, Гоша, было им что-нибудь за это? Ничего им за это не было. Потому что их родители в уж больно хорошую больничку меня положили. И маме моей еще отстегнули – на новые колготки.

Молчание.

АНДРЮША. Давай, Гоша, теперь ты еще расскажи мне, какой я беспонтовый нищеброд, и как нехорошо я делаю, что Венеру Агатовну на бабки развожу. Тебе-то врать и крутить не приходится. Ты-то уже подсуетился – родился в нужном месте в нужное время, вытянул свой счастливый билет.

Гоша не отвечает. Очень вовремя возвращается Венера Агатовна.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Мы, наверное, с Гошей пойдем. А отпуск, премию и аванс - все завтра подпишем. Да, Андрюша?

Молчание.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Что-то случилось? Гоша, ты опять что-то не то сказал?

ГОША. Ничего не говорил.

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Я же вижу. Андрюша?

Андрюша пожимает плечами.

ГОША. Mam, надо нам с Андреем по времени определиться. Чтобы йога нашим занятиям не мешала. У меня же йога еще...

ВЕНЕРА АГАТОВНА. Договорились до чего-то, что ли?

АЛЕНКА. Они друг друга уже с полуслова понимают.

3.

Андрюша и Аленка в подъезде своего дома. Поднимаются вверх по лестнице. Лифт сломался, так что они идут пешком на седьмой этаж.

АЛЕНКА. В тебя будто дьявол вселился! Мне аж самой страшно стало – такой ты был убедительный. С этой школой для богатых, конечно... Это круто! Закрепить и запомнить, легенда на пятерку. Бедная тетя Вафа... Как ты ее!

АНДРЮША. Да ладно? Она в моей альтернативной реальности хоть завучем работает. А так-то – билеты в туалет продает.

АЛЕНКА. Два месяца в больнице!

АНДРЮША. Загнул, да?

АЛЕНКА. Нет, очень хорошо. А тетрис - вообще бомба. Что творится в твоей голове?

АНДРЮША. Талант - это подробность. Не знаешь, что ли?

АЛЕНКА. Ты очень талантливый. Я чуть не расплакалась.

Вниз по лестнице идет Соседка.

СОСЕДКА. Опять домофон сломали – полный подъезд бомжей набился. Девять этажей, девять подоконников, девять спальных мест.

Останавливается, смотрит на Андрюшу и Аленку. Андрюша и Аленка медленно проходят мимо нее, спрятав лица под капюшонами.

СОСЕДКА. Они презирают меня! Потому что я водку пью. Они не обращают на меня внимания, будто бы им лень мной заниматься. Будто бы я прошу их мной заниматься. Совсем мне этого не надо. Я самодостаточная, хоть и несчастная.

Соседка спускается ниже, ее становится не слышно. Она выходит из подъезда.

АНДРЮША. Я вообще, конечно, подвысадился, когда этот Гоша стал про частоту вибрации кожи задвигать. Это было очень агрессивно.

АЛЕНКА. Это было - аллегорично. Мне понравилось.

АНДРЮША. Да, это я заметил.

АЛЕНКА. Ну, дак а если не дурак - что я поделаю? Не дурак - такая редкость.

АНДРЮША. Да он просто псих неуравновешенный.

АЛЕНКА. Для сына такой мамаша он еще неплохо держится.

АНДРЮША. Прекрати гнать на эту святую женщину!

АЛЕНКА. Разве мы не гении?

АНДРЮША. Скажу честно, что я почувствовал легкий укол совести, когда ты стала ей про маму петь. Ну, что типа мы ей деньги на операцию отправили.

АЛЕНКА. Я просто поняла, что надо поднажать. Хотя сама тоже - да, поежилась внутри себя.

АНДРЮША. Поежилась, да?

АЛЕНКА. Ага, поежилась.

Оба ржут.

АНДРЮША. Не совсем еще мы, значит, конченные. Еще пока ежимся внутри себя.

Ржут.

Замечают на подоконнике спящую женскую фигуру, резко замолкают.

АЛЕНКА. Во бля...

АНДРЮША. Скажи, что это мой глюк.

АЛЕНКА. Что делать?

АНДРЮША. Я же предупреждал тебя. Я же тебя, блин, предупреждал: не обнадеживай. Вот она – нарисовалась.

АЛЕНКА. Да она, поди, завтра уедет? Нет?

Андрюша подходит к огромной дорожной сумке, стоящей под подоконником, расстегивает молнию, достает из сумки вещи: блендер, коллекцию приправ, комплект постельного белья, поваренную книгу, вязание, упаковку соды, прозрачный пеньюар, четыре рулона туалетной бумаги.

АНДРЮША. Она не уедет. Никогда.

АЛЕНКА. Нам нельзя ее выгонять, Андрюша. Нам визу надо. Потерпи уж.

АНДРЮША. Копец какой-то.

АЛЕНКА. Да ладно, че. Пусть хозяйством вон занимается. Жалко, что ли?

АНДРЮША. Вот идиотка, дебилка... Оксана?

Оксана просыпается, садится на подоконнике, улыбается.

ОКСАНА. Сюрприз.

АНДРЮША. Спать будешь на кухне. И с душем сейчас подождешь. Сперва я, потом Аленка, потом - ты. Только по-быстрому - шум воды мешает спать, а мы сильно устали. И еще это... Там кот слепой - ты с ним аккуратно. А то он нам очень дорог.

АЛЕНКА. Ага. Дорог, как память.

ОКСАНА. Память? О ком? О чем?

АНДРЮША. О зыбкости бытия. Слишком много вопросов. Уже. У тебя суперспособность - утомлять своим присутствием. Понятно? Ты и так надоедаешь. Даже молча. Так что можешь не разговаривать, не затрачиваться.

ОКСАНА. Хорошо, я поняла. Я глупо поступила, что приехала?

АЛЕНКА. Не слушай его. У него был трудный день. Давай я помогу тебе с сумкой. Как ты ее сама дотащила-то?

ОКСАНА. До вокзала меня папа на машине довез, а с вокзала я - на такси. Не очень удобно, что у вас лифт сломался - седьмой этаж, все-таки. Но - ничего. Я с передышками. Этажа два протащу - остановлюсь, отдохну, отдышусь. Потом - еще два этажа. Так до вас и добралась.

АНДРЮША. Аленка, пожалуйста, хотя бы до завтра - не вступай с ней в диалоги. Она не чувствует, когда надо замолчать. Это безостановочное бормотание по нервам ездит.

ОКСАНА. А у кого ключ от квартиры? Откройте, а? Я так в туалет хочу - часа два терплю. Уснула даже, чтобы не мучиться.

АЛЕНКА. Андрюша, открывай.

4.

У подъезда в урну блюет Соседка. Вокруг нее – бездомные кошки. Неподалеку, на детской площадке в песочнице друг друга матерят дети-дошколята.

СОСЕДКА. Дети, не смотрите на меня! Не смотрите! Не обращайтесь на меня внимания, пожалуйста. Мне всего тридцать семь, а я уже очень плохо выгляжу. Я все равно положительный персонаж, я в душе – очень хороший человек. Просто у меня вид такой неприглядный. Так что не надо смотреть. Меня запретили – я в урну блюю, матом ругаюсь. На них вон лучше смотрите, на них!

Из подъезда выходят Андрюша и Аленка. Аленка садится на велосипед, Андрюша встает на скейтборд, они уезжают.

СОСЕДКА (все блюет, обращается к коту). Спортсмены, видал? А я – видишь, как страдаю? Видишь, терзаюсь? Такие терзания... Я вас сейчас покормлю, я вам вынесла. Не трись у ног – мне жалко, сердце рвется. Мне некуда тебя брать. У меня своих – полон дом, некуда.

Соседка садится на лавку, достает из пакета куриные головы – по одной, кидает кошкам. Кошки шипят, рычат, дерутся, грызут головы.

СОСЕДКА. Ешьте. Кормить вас еще можно, взять уже некуда. Нельзя. Я и своих-то понасобирала – думала, долго жить буду. Но сейчас все болезни помолодели на двадцать пять лет, в такую мы попали временную ловушку. Врачи сказали, если пить буду – нежилец я. Так что вот, Витька, перед тобой сидит нетрезвый нежилец. Витя! Витька! Кыс-кыс-кыс. Ты чего не ешь? Иди – я тебе отдельно дам, Витька. Или ты не Витька? А такой с виду котенок, что будто бы Витя мой. Вселилась душа, вроде того. Я по глазам всегда отличаю, кто в кого вселился. Вон – Ольга Петровна моя голову грызет. Я все думала, куда наша Ольга Петровна пропала? Молодая такая была, рано скопытилась. Думала, может, съехала с квартиры. Не пойти, не проверить. Ты же мне, Ольга Петровна, не сказала, где живешь. Я видела только, что ты всегда оттуда от куда-то, сверху спускалась. Недавно смотрю – кошка с Ольги Петровниными глазами к подъезду прибилась. Не съехала, значит, Оленька. Умерла, значит. Хоть и тоже молодая была. Но болезни на двадцать пять лет помолодели. Или тебя твоя домработница прикокошила, а, Ольга Петровна? Так ты мне скажи – я на нее заявление в полицию напишу. Ты зачем домработницу завела, я тебя спрашиваю? Это не по-советски. Октябренком ты, что ли, не была? Я еще пионеркой успела. Выпендрейница, тоже мне! Своих рук, что ли, нет? (Смотрит на кошек, смеется) Покойнички мои! Ешьте, ешьте. (Детям в песочнице) А вы на меня не смотрите – нечего на психбольных алкоголичек глазеть. Маленькие еще. У меня же на роже написано «+18», или нет – даже «+25». Да я вообще к просмотру не рекомендована. Я – запрещенная литература, я все не то говорю, что нужно. Вам это слушать не полезно – песком себе уши заткните и сидите лепите свои... (Кошкам) Кто-то нас с вами кормить будет, когда и я кони откину? Они (показывает на детей в песочнице) точно не будут. Только если палку в жопу затолкают, да на лысо побреют – на это у них ума хватит, в этом смысле они изобретательные. Ешьте, ешьте.

5.

Комната Андрюши и Аленки. Оксана поливает цветы на подоконнике.

ОКСАНА. Кот жрет цветы. Как он их жрет-то? Как он на подоконник забирается, слепой?

Входит Аленка.

АЛЕНКА. Окса, это ты коту корм купила?

ОКСАНА. Я. Не тот? Я посмотрела по породе - вроде тот.

АЛЕНКА. Тот, пойдет. А из списка-то кто вычеркивать будет? Раз уж сделала - вычеркни. Че нам лишний пункт глаза мозолит?

Оксана подходит к списку вычеркивает «8. Купить корм коту».

ОКСАНА. Я еще мусор вынесла.

АЛЕНКА. Молодец. Вычеркивай.

Оксана вычеркивает.

ОКСАНА. И пол помыла. Про пол, значит, нужно дописать и вычеркнуть?

АЛЕНКА. Нет. Пол - это не наши планы, а твои. Составь себе свой список, раз так хочется вычеркивать про пол. Мыслить надо масштабнее. Мы про мусор написали - потому что это для нас целая эпопея - его вынести. Понимаешь?

ОКСАНА. А пол - не эпопея?

АЛЕНКА. Да пофиг на пол.

Оксана смотрит на список, смеется.

АЛЕНКА. Чего ты там угораешь?

ОКСАНА. Да вот - тут написано. У Андрюши – «Никогда не жениться». Это он для смеха так написал?

АЛЕНКА. Конечно, для смеха. Видишь, как тебе смешно.

Входит Андрюша.

АНДРЮША. Я взял два выходных на пятое-шестое. Пятого-шестого поедем за визами.

ОКСАНА. Привет.

АНДРЮША. Да, кстати... Оксана, наряжайся во что-нибудь. Мы сейчас уже пойдём.

ОКСАНА. Куда?

АНДРЮША. Идем с тобой гулять. Ну, скорее! Нам везде надо успеть. Ты же города не видела.

ОКСАНА. Мы сейчас идем гулять?

АНДРЮША. Да. У тебя есть красивое платье?

АЛЕНКА. Возьми мое кремовое - оно тебе подойдет.

ОКСАНА. А ты в чем пойдешь?

АЛЕНКА. Мне чет так паршиво, и подташнивает даже будто бы. Идите без меня. Мы тут с Эдипом не соскучимся.

ОКСАНА. Получается, вдвоем идем?

АНДРЮША. Да. Я только это... Слушай, Окса, можешь в другой комнате переодеться? Мне с Аленкой надо парой слов перекинуться. С глазу на глаз.

Оксана смеется, и даже прыгает, хватая со шведской стенки кремовое платье, убегает в другую комнату.

АНДРЮША. Все, я больше не могу. Она мне надоела, она сосет из меня энергию. Она еще и дурой такой оказалась. Надо ее, короче, сливать как-то плавненько.

АЛЕНКА. Оксана?

АНДРЮША. Да при чем тут?! Хотя – эта тоже... Но сейчас – про Венеру Агатовну.

АЛЕНКА. Попроси Гошу научить тебя ставить защиту от энергетических вампиров.

АНДРЮША. Вот отвечаю – не до смеха вообще, ни разу.

АЛЕНКА. Я те серьезно говорю. Ты зря во все такое не веришь.

АНДРЮША. Гоша этот тоже... Он все знает, все прекрасно понимает. Ей надо, чтобы я с ним занимался только за тем, чтобы она могла вокруг меня круги нарезать. В одном белье. Это какой-то ужас.

АЛЕНКА. А раньше не роптал.

АНДРЮША. Я не железный.

АЛЕНКА. Сам Гоша – как?

АНДРЮША. Вникает. Говорит со мной через губу, но история про тетрис и два месяца в больнице поселилась в его сердце. Наверное, он даже испытывает что-нибудь вроде чувства вины передо мной... Или как там у них бывает?

АЛЕНКА (смеется). У них, у плебеев. У людей обыкновенных.

АНДРЮША. Должен сказать, что спекулировать на чувствах малолеток – такая рулетка. Никогда не знаешь, чем это может обернуться. Они все с пограничной психикой сейчас. Гоша мне сегодня втирал про свою разреженную ауру, про то, что ему срочно надо ее восстанавливать. А я сижу и слушаю весь этот бред! А Венера Агатовна ходит вокруг, и смотрит, и вздыхает, и транслирует что-то...

АЛЕНКА. Понятно что.

АНДРЮША. Она на меня давит, она действует мне на нервную систему.

АЛЕНКА. Она бабки тебе перевела?

АНДРЮША. Сто лет, как...

АЛЕНКА. И чего ты тогда маешься?

АНДРЮША. Вот и я подумал.

АЛЕНКА. Совсем от Гоши не отказывайся – карьеру себе загубишь. Просто занимайтесь теперь у нас. А ей скажи, что тебе нужна пауза, что ты запутался в своих чувствах...

АНДРЮША. Так и сказать?

АЛЕНКА. Да. Только лучше, наверное, при личной встрече – наведи красоты, напусти тумана.

АНДРЮША. Так тут эта... (показывает на дверь, за которой переодевается Оксана) Виза одевается уже.

АЛЕНКА. Я ей зубы заговорю, ты только веник какой-нить купи на обратном.

АНДРЮША. Мы – команда.

АЛЕНКА. Весело же!

Смеются. Андрюша хватает несколько шарфиков из тех, что висят на шведской стенке.

АНДРЮША. Какой?

АЛЕНКА. Вон тот в полосочку, трагичный.

АНДРЮША. А черный – че?

АЛЕНКА. Черный совсем уж безапелляционный. А клетчатый этот какой-то истеричный. Полосочку бери.

Андрюша исчезает с «полосочкой». Из комнаты появляется Оксана. Она прикрывается платьем.

ОКСАНА. Помоги? Я не пойму, как оно надевается... А Андрюша где?

АЛЕНКА. Убежал.

ОКСАНА. В смысле – убежал?

АЛЕНКА. Если что, я тебе ничего такого не говорила, но, по-моему, он в какой-то любовной агонии! Переволновался что-то аж. Ему надо выдохнуть, выпустить пар. Сейчас поди где-нибудь закидывается коньячком, для храбрости.

Оксана смеется.

ОКСАНА. Да нет! Ты серьезно?

АЛЕНКА. Я могу только догадываться. Мне он ничего не говорит. Что, кстати, вдвойне странно. Как считаешь?

Аленка помогает Оксане надеть платье.

ОКСАНА. А про что вы говорили?

АЛЕНКА. Спросил у меня, какие ты любишь цветы. Я сказала, что, по ходу, комнатные. Так что он, короче, в полной растерянности. Ты не сердись, если припрет какой-нибудь беспонтовый веник – изобрази радость, будь милосердна.

ОКСАНА. Он бывает такой чужой...

АЛЕНКА. Я, конечно, мало что в этом понимаю. Но, зная Андриюшу, скажу, что ему просто не нравится быть беспомощным. А любовь – она же типа делает человека уязвимым, все такое... У него происходит какая-то внутренняя борьба, понимаешь? Поэтому он не всегда в адеквате.

ОКСАНА. У него, конечно, непростой характер. Но я уже привыкла к этим его перепадам.

АЛЕНКА. Да... Да... Ты ведешь себя очень грамотно.

ОКСАНА. Он когда сердится, у него аж желваки ходят. А я смотрю на него и думаю: «Любимый мой, хороший». Все равно так думаю. Другие когда кричат - это противно, раздражает. Людям не подходит кричать. Если он кричит - я опять думаю: «Любимый мой, хороший». И мне так жалко его, когда он кричит. Бедненький, мне так его жалко. Мне сразу хочется обнять его, пожалеть. Он такой огромный, когда сердится, а я все равно: «Любимый мой, хороший». Он самый лучший человек на свете. Как все этого не видят?

АЛЕНКА. Почему не видят? Видят. Его же все любят.

ОКСАНА. Все?

АЛЕНКА. Такой уж он человек.

ОКСАНА. Конечно. Все. Я не понимаю, как можно его не любить. Я смотрю на него - и не понимаю, как это можно. Я тебе надоела?

Молчание.

АЛЕНКА. Меня бесят тупые. А все влюбленные всегда тупые. Поэтому, если тебе не трудно, ты со мной не разговаривай.

Молчание.

ОКСАНА. У тебя, конечно, тоже – перепады...

АЛЕНКА. Да, это у нас семейное.

Оксана и Андрюша гуляют по набережной. На улице такой май, что просто – сказка. По реке ходят теплоходы. Дома вокруг, как зеркала – весь город, всю весну отражают.

ОКСАНА. Смотри, какой дом.

АНДРЮША. Огромный, да?

ОКСАНА. Как по телевизору, как в Америке...

АНДРЮША. Ты такая непосредственная. С воды красивый вид, наверное.

ОКСАНА. Не знаю, как ты - а я по воде ходить не умею.

Оксана смеется.

АНДРЮША. Разве? Это для меня потрясение. Ты, наверное, просто никогда не пробовала? Не может быть, чтобы ты не умела ходить по воде. Ты же ангел.

ОКСАНА. Сам ты ангел вообще.

АНДРЮША. Тогда поехали кататься на теплоходе?

ОКСАНА. Поехали. Я, знаешь, что думаю? Что ты сумасшедший психопат. То такой, то совершенно другой человек.

АНДРЮША. У меня ужасный характер. Я реально больной, да?

ОКСАНА. Ты всегда разный. Утки плавают, смотри. Ну, надо же... Я хочу ходить по бордюру. Давай ходить по бордюру?

АНДРЮША. Давай. Постой, нет. Мне нужно сказать тебе что-то очень важное...

ОКСАНА. Да?

АНДРЮША. Не могу сейчас.

ОКСАНА. Что-то очень важное?

АНДРЮША. Про нас с тобой. Про тебя.

ОКСАНА. Говори, или я с места не сдвинусь.

АНДРЮША. Я вот сейчас понял, что поспешил. Мне надо еще подумать. Потом скажу. Обещаю.

ОКСАНА. Когда - потом-то?

АНДРЮША. Давай договоримся на после Вены? Как мы вернемся.

ОКСАНА. Так долго?

АНДРЮША. Если, конечно, мы еще поедem в Вену...

ОКСАНА. Поедете, конечно.

АНДРЮША. Погнали кататься?

ОКСАНА. Погнали.

Оксана и Андрюша катаются на теплоходе, едят мороженое в кафе, даже идут в театр. Потом Оксана долго пародирует актеров, а Андрюша хохочет до упаду. Потом они лезут на крышу, кормят там голубей, целуются, наконец.купаются в фонтане, попадают за это в «стакан», смеются над полицейским. Фотографируются вместе на фоне каждого столба, танцуют прямо на улице под мелодию с телефона, распивают бутылку вина на двоих, поют песни.

7.

Комната Аленки и Андрея. Над диваном в рамке под стеклом висят два билета в Вену. Перед диваном стоит маленький кофейный столик на колесиках. На столике стоит бутылка вина, салат «Греческий», три бокала, три пустых тарелки, горит свеча. Андрей и Аленка сидят на диване. Оксана вносит блюдо с мясом.

ОКСАНА. Ягненок на косточке, маринованный с добавлением красного вина. Подается с запеченными томатами, нашпигованными чесноком.

АНДРЮША. Какая умница, как мы на нее не нарядумся.

АЛЕНКА. Золото, а не ребенок.

Андрюша разливает вино по бокалам, Оксана раскладывает мясо по тарелкам.

АНДРЮША (Аленке). Ты, например, не хозяйственная.

АЛЕНКА. Не-а, я другой формации – это правда.

ОКСАНА. Потому что ты художественную школу закончила. У тебя – другое. У тебя, например, я заметила, нет совершенно никакой потребности в порядке.

АЛЕНКА. Миленькая моя, как я тебя обожаю. Какая ты у нас узколобенькая! Это в других домах бывает беспорядок, а у нас тут – сплошные инсталляции. Я так вдохновляюсь – понимаешь? Я не люблю, когда, как в могильнике. Я люблю так, чтоб зайти в дом и сразу видно – тут люди живут.

ОКСАНА. Я о том и говорю.

АНДРЮША. За поэзию повседневности!

Пьют вино из бокалов.

АЛЕНКА. Это не дом – это музейный экспонат. Мы с Андрюшей необыкновенные и очень талантливые. Из нас творчество и всякое там созидание просто прет. Круглыми сутками.

ОКСАНА. Я бы тоже так хотела – все иногда видеть под особенным углом. Вы же живете в какой-то своей альтернативной реальности! Что-то такое творится у вас в головах – мне не понять. Хотя бывают моменты, когда я тоже отрываюсь от своего обыденного восприятия мира. Когда меня что-нибудь вдохновляет. Ходили мы, например, в театр...

АЛЕНКА. Вы в теа-а-атр ходили?! О!

ОКСАНА. С Андрюшей...

АНДРЮША. Постановка ужасная, от актерской игры чуть не стошнило, театр умирает...

АЛЕНКА. Пусть приходят всем актерским составом смотреть, как мы Венеру Агатовну на бабки разводим – будет им мастер-класс по стопроцентной вере в предлагаемые!

ОКСАНА. Вы такие злые, такие коварные! Обожаю вас!

АЛЕНКА. Да мы сами тащимся.

ОКСАНА. Про театр-то слушайте. Мы с Андрюшей пришли – постановка ужасная, от актерской игры чуть не стошнило, театр умирает... Но!!! Я находилась в таком особенном

эмоциональном состоянии, что... Ну вот смотрю я, например, на бордовые шторы, которыми вход закрывают, а мне кажется, что это извергающиеся вулканы!.. Или смотрю на бархатные кресла с откинутыми седушками – и вижу высунутые языки!.. А фонари, которые прожекторы – это у меня навозные мухи, к примеру... Понимаете, о чем я говорю? Кажется, во мне что-то просыпается.

АНДРЮША. Творческое мышление.

ОКСАНА. Да! Да!

АЛЕНКА. За творческое мышление!

Все делают еще по глотку вина.

ОКСАНА. Вы, кстати, знаете, что наша соседка – тоже творческая? Может, еще и общение с ней на мне так сказалося.

АЛЕНКА. Че? Какая соседка, э?

ОКСАНА. Амалия Викторовна с пятого этажа, кошатница. Что вы так смотрите? Офигеть, имечко – да? Может, она сама его выдумала. Имя. А отчество – наверное, настоящее. Или нет. Или она могла, например, в юности еще очень сильно привязаться к какому-нибудь человеку и взять себе отчество по его имени. На нее это было бы очень похоже. Я хочу сказать, что такой поступок был бы в ее духе – она та еще креативщица! Вы знаете, кем она работала? Сказочницей! Писала детские книжки. Правда, она очень много пила в молодости - для вдохновения. Теперь у нее сорвало крышу. Такие дела...

Оксана делает еще один глоток.

АЛЕНКА. Ты откуда все это знаешь?

ОКСАНА. Да она сама мне рассказала. Ни с того, ни с сего – выложила все, как есть. Пока я мусор выносила, провожала меня от подъезда до мусорного бака и обратно.

Мусоропровод не работает – вот и приходится с людьми общаться. Я вообще с детства к себе людей располагаю. Мне вечно - как присядут на уши!

Пьет еще.

АЛЕНКА. Ты со своими офигенными коммуникативными навыками оставалась бы лучше в Урюпинске, а?

АНДРЮША (Аленке). Тише, тише...

АЛЕНКА. Че – тише? Мы тут шифруемся уже полгода, а это дура нашла самую трепливую тетку в подъезде и дружбу с ней завела. Эта алкоголичка Амалия! Это же подружка нашей утопленницы. Я напомню тебе – можно? Твоя гениальная идея с оформлением документов на чужую хату пока что все лишь идея!

ОКСАНА. Какая утопленница? Никогда не знаешь наверняка – шутите вы, или нет...

АЛЕНКА. Я так и знала, что надо было сразу куда-нибудь заявить.

АНДРЮША. Чего не заявила?

АЛЕНКА. Я испугалась, что на меня подумают. Я с перепугу сожгла ее записку. Зачем я это сделала?! Хоть не всплыла она пока нигде...

АНДРЮША. И в чем проблема?

АЛЕНКА. А если Амалия заявит на нас в полицию, что мы тут живем? Человек убили, а мы это скрыли! Нас посадят, из-за этой дебилки!

АНДРЮША. Во-первых, не мы, а ты...

АЛЕНКА. Это была твоя идея! Ты сказал, что – это удача, знамение, что такой шанс выпадает раз в жизни. Вот уж действительно! Так только ты можешь. Человек утопился, а ты – «удача, знамение».

АНДРЮША. Я вообще был в Урюпинске, ты просто просила совет.

ОКСАНА. Да что вы такое говорите?

АНДРЮША (Аленке). Только ты могла устроиться домработницей к одинокой сумасшедшей суициднице!

АЛЕНКА. Да пошел ты в жопу!

Звонок в дверь.

Молчание.

Звонок в дверь.

ОКСАНА. Звонят.

АЛЕНКА и АНДРЮША (шепотом). Тихо!

Звонок в дверь.

Молчание.

У Андрюши звонит телефон. Он выключает звук.

АЛЕНКА (шепотом). Кто?

АНДРЮША (шепотом). Не определяется...

АЛЕНКА (шепотом). Не отвечай.

Где-то зазвонил телефон Аленки. Аленка бежит по всей квартире – ищет телефон, чтобы выключить звук. Телефон перестает звонить сам собой. Аленка, наконец, находит его, проверяет пропущенные вызовы.

АЛЕНКА. Номер не определен...

Стук в дверь.

ОКСАНА (шепотом). Хотите, я посмотрю, кто там? Я – потихоньку, на цыпочках.

АНДРЮША (шепотом). Замри, пожалуйста. Никого там быть не может – мы никого не ждем.

Стук в дверь.

ОКСАНА (шепотом). Но кто-то ведь стучит?

АЛЕНКА (шепотом). Ты тупая, что ли? Тебе сказали – сиди тихо. Это, поди, твоя подружка-алкоголичка, да?

ОКСАНА (шепотом). Я не знаю.

ГОЛОС (из-за двери). Андрей? Алена? Дома кто-нибудь есть?

АЛЕНКА. Это из полиции, это из полиции, это из полиции...

АНДРЮША. Успокойся. Нас здесь нет.

АЛЕНКА. Они же могут выломать дверь. Если их натравили – они выломают дверь.

У Андрюши опять зазвонил телефон.

АЛЕНКА. Откуда у них наши номера? Он назвал нас по имени. Они за нами пришли, они все знают, Амалия нас сдала. Они пришли нас арестовывать.

АНДРЮША. Мы ничего не сделали.

АЛЕНКА. Нет, конечно! Мы ничего не сделали! Мы только скрыли смерть человека, и тихо-мирно живем в квартире утопленницы. Мы ничего такого не сделали! Мы хорошие ребята. Мы даже кормим ее слепого кота. Эдип, отойди от двери! Эдип, кыс-кыс-кыс!

Эдип мяукает у двери.

Тишина.

АНДРЮША. Ушли, что ли?

АЛЕНКА. Не может быть...

АНДРЮША. Не дышите. Я пойду посмотрю в глазок.

Андрюша тихо подходит к двери, смотрит в глазок.

АНДРЮША (громко). Гоша!!! Это Гоша!

ГОЛОС (из-за двери). Андрей?

Андрюша открывает дверь, входит Гоша.

ГОША. Мы же с тобой, вроде как, договорились, что сегодня у вас занимаемся...

Аленка и Андрюша очень долго смеются, Оксана плачет.

АЛЕНКА. Это знамение, Андрюша. Просто знамение. Знамение обыкновенное. Надо что-то решать – ты это понял?

АНДРЮША (Гоше). Мы просто немножко празднуем. У нас – билеты, у нас все складывается. Все как-то классно, все так хорошо! Даже страшно – до того все хорошо. (Оксане) Собирай вещи – вали обратно в Урюпинск, а? Пока ты нас под статью не подвела. Проваливай. Прямо сейчас.

8.

Все та же комната. И даже тот же вечер. Гоша спит на диване. Андрюша и Аленка сидят перед компьютером.

АЛЕНКА. Хорошо мы этого йога укатали.

АНДРЮША. А что нам еще оставалось? Заниматься с ним сегодня я как-то вообще не в настроении.

АЛЕНКА. Мне кажется, он от тебя в восторге.

АНДРЮША. Ладно, проехали. Напоили – пусть отсыпается.

АЛЕНКА. Давай пиши своей Агатовне.

АНДРЮША. Что мне ей теперь писать?

АЛЕНКА. Ты у нас злой гений, думай. На нее вся надежда, Андрюша. По любому, у нее полным-полно связей. Для нее эти наши документы – не ребус даже, не вопрос. Пара звонков – и все улажено. Слушай, может, она нам вообще ее просто выкупит, а?

АНДРЮША. Кого? Квартиру?

АЛЕНКА. А че такого-то?

АНДРЮША. Это обернется для меня сексуальным рабством до конца моих дней.

АЛЕНКА. Да, ладно – она лет через двадцать скопытится. Ой, да ей уже через десять ничего не надо будет... Ты с ней, хоть, по-хорошему расстался? Как я сказала?

АНДРЮША. Расстался – лучше не придумаешь. Ну-с, ладно. Понеслись между струй! (Печатает) «Ты же знаешь, что я тебя люблю. И я сволочь. Я не хочу тебя терять. Ты просто не понимаешь, как дорога мне, потому что я сам запутался в своих чувствах – это во-первых, а во-вторых, как-то не привык их выставлять напоказ. Я просто много раз обжигался, мне это все не просто. Я много думал, не могу без тебя»... Нормально?

АЛЕНКА. Спонтанненько так.

АНДРЮША. Дак да, так и задумано. Как? Чувствуется глубина раскаяния?

АЛЕНКА. Глубина – да.

АНДРЮША. «Нам надо встретиться»... О! Уже строчит ответ. Балин! Спрашивает: «Когда?»

АЛЕНКА. Сейчас! Эта Виза всему подъезду про нас могла растрепать. Менты придут не сегодня – завтра, нам надо срочно что-то сделать. Нам какая-нибудь бумага нужна. Хоть какая пока.

АНДРЮША (печатает). «Сейчас. На нашем месте»...

АЛЕНКА. Что за место?

АНДРЮША. Тут, недалеко. Она пишет, что выезжает. Я побежал. Сторожи прыщавого. Проснется – совращай, жених богатый.

АЛЕНКА. Иди ты!

Оба ржут.

АЛЕНКА. Хотя...

Ржут.

АНДРЮША. Шарфик – какой?

АЛЕНКА. Черный. Ты убит горем.

Андрюша надевает черный шарф, уходит. Аленка берет на руки кота, вычесывает его.

АЛЕНКА. Урчишь? Ты ж моя рыжая совесть. (Целует кота) Копец нам – вот увидишь, так и будет. Все было слишком шоколадно. Бежать придется. Ты умрешь с голоду. В Урюпинск мы тебя с собой не повезем. А смысл тебя туда тащить, если там ты тоже умрешь? Это я тебе обещаю. После здесь, ты там жить не сможешь. Ты ничего не видел, а я тебе скажу, что есть места совершенно не пригодные для жизни. Они убивают человека, угнетают его. В основном – пылью и серым небом. От него даже голова болит – такое оно гнетущее и низкое. Поверь мне, котик, лучше здесь подохнуть от голода, чем там – от пыли и низкого неба. Боишься? Да, шучу я. Все у нас будет зашибись – планида у нас такая. С Андрюшей. Это называется – генетический код. Нам с кодом повезло, че уж говорить. Мы – жизнеспособные. Плюс разнообразное воспитание. Воспитывали нас, котик, очень

разнообразно. Этого не описать словами, это надо книгу выпускать. Я этим как-нибудь потом займусь. Так что – будь спок, мы с Дюшей и не из такого дерьма выбирались... Хотя – нет. Сказать по правде, такая прям жесть – это у нас впервые. Ниче, выкрутимся. Подумаешь – фигня какая... А че она утопилась-то? Олька Петровна? Че ей не жилось? Все же было, весь наш список. И не дура, вроде. И не старая. Страшная, конечно... Дак ей куда показываться-то особо? Сидела тут, статьи свои редактировала, никто на нее не смотрит. Ты – слепой, я – только по субботам приходила, Амалия шары зальет – ей вообще весь мир неотразимым кажется. А что Олька за границу каталась – так за границей, говорят, все страшные. Толстые и без косметики, и в мятых майках. Зато у них все остальное хорошо. Хочу за границу. Вена. В Вену поедем. Там классно. Она написала про свое безысходное одиночество – Олька Петровна. Запомни, Эдип: все проблемы от тонкой душевной организации. Ну, у страшных она всегда тонкая. Как-то уж так повелось. Обделили их по всем пунктам, короче.

Смеется, чешет коту за ухом, целует его, наглаживает.

АЛЕНКА. Рыжий, ры-ы-ыжий... Ух, какой рыжий!

У Гоши звонит телефон. Звонит и звонит, звонит и звонит. Гоша не просыпается.

АЛЕНКА. Йог усыплен вином...

В квартиру врывается Андрюша.

АЛЕНКА. Быстро ты. Эй, все в порядке? Дюша, что случилось?

Гоша открывает глаза, тянется к телефону.

АНДРЮША (Гоше). Погоди-погоди, парень! Не отвечай! Не отвечай, Гоша! Не отвечай!

Гоша берет трубку.

ГОША (в телефон). Да?

АЛЕНКА (Андрюше). Че за?..

Андрюша выхватывает трубку у Гоши.

АНДРЮША. Я щас сам... Я сам! Я сам! Хорошо? Давай, я сам?.. Гоша? Гоша? Гоша?

Гоша кричит, рычит, брыкается. Убегает в ванную, закрывается там, кричит.

АЛЕНКА. Дюша, что?.. Андрей!!!

АНДРЮША. В нее на перекрестке фура врезалась. Я – фиг знает, че! Да ясно все, что там без вариантов. Она не на тот светофор поехала! Куда смотрела? Старая debilka, блин. Гоша!

Аленка и Андрюша стучат в дверь ванной.

АНДРЮША. Гоша, открой. Еще ничего не известно.

АЛЕНКА (в слезы). Гошенька, миленький, выходи! Пожалуйста, мальчик! (Андрюше) Вызывай скорую!

АНДРЮША (тихо). Э? В смысле? Не гони. (Громко) Гоша, не валяй дурака!

АЛЕНКА (кричит). Вызывай скорую!

АНДРЮША (тихо). Ты осади. Какую скорую? Нам нельзя сюда никого вызывать. Посадят тебя – не меня.

АЛЕНКА. Вызывай!!! Гоша! Гоша! Гоша! Еще ничего не известно! Ты слышишь, мальчик? Маленький, выходи! Еще ничего не известно!..

Дверь открывается, выходит Гоша. Аленка прижимает его к себе, обнимает.

АЛЕНКА. Тише, тише, тише... Ты зачем нас так напугал?

Андрюша тоже обнимает Гошу.

АНДРЮША. Я с тобой. Ты слышишь, парень? Я. С тобой.

АЛЕНКА. Все, все, все...

АНДРЮША. Я с тобой, я с тобой. Я с тобой, парень. Я с тобой.

9.

Комната Андрюши и Аленки. Оба сидят на диване. Аленка тихонько плачет.

АНДРЮША. Ладно, свои с ним разберутся. Хорошо хоть объявились эти родственники. Я не хотел на опознание. Мне эти лишние потрясения – ну их на фиг. И так – нервотрепка

тут сплошная. Курить будешь? Не? А я аж закурил че-то. Мне же первому позвонили и сказали, что она – того. Я у нее первый в телефоне был забит.

Молчание.

АНДРЮША. Ты знаешь, удивительная вещь... Я особо ничего не почувствовал. Вернее – вообще ноль. Честно. Ноль. Даже страшно. Я человек, нет?

Смеется.

АНДРЮША. Они мне говорят по телефону, а я понимаю, что у меня внутри – пусто, никак. Просто – вакуум, не всколыхнулось даже. Я вспомнил, как мы с тобой читали про Да Винче, что у него когда мать умерла, или ее повесили... Или не ее?.. Не помню. Короче, не суть. Ну, что вот она, когда умерла, у него в дневнике нет вообще никаких записей про то, как ему там больно было, что вот он мать потерял, или что-то еще. Ничего такого. Там записано, какие на ней были чулки в день смерти, и расходы на похороны, или что-то такое, или как-то так... Я, короче, не помню. Ты не помнишь? А то я сейчас, может, вообще все перепутал и не то рассказал... Но суть в том, что он смерть своей матери, как бы, никак не отразил даже. И не похоже было, что он какие-то эмоции испытывал на этот счет.

Молчание.

АНДРЮША. Я к тому, что у меня, когда позвонили – эмоции были похожие... Или вернее, в данном случае, даже отсутствие каких-то эмоций. Скорее – отсутствие, да. Как у Да Винче.

Молчание.

АНДРЮША. Надо отдать тебе должное – ты сегодня превзошла сама себя. У ванной ты стенала убедительно – я даже испугался и, честно говоря, поверил. Он сухой будет, если после такого на тебе не женится. Это было гениально. Ты чувствуешь хоть, что мы приближаемся к сверхчеловеческому состоянию? У меня появляются всякие такие мысли... Тут вон че творится – люди гибнут, и все прочее, а ты только ходишь и подаешь признаки жизни: плачешь, смеешься, хмуришься, заикаешься... И вот уже это стадо психопатов принимает тебя за своего. Вот ты уже прослыл у них и добрым, и умным, и человечным, и темпераментным, и столько всего в тебе уже намешано! А ты даже не затрачивался, ты уже сегодня не помнишь половины имен, а завтра не узнаешь в лицо ту,

которой сейчас признаешься в любви. Это не цинизм, это даже не равнодушие. Это кое-что покруче. Этому чудесному свойству человеческой души еще не придумали названия, потому что его не так давно вывели, но – увидишь: пройдет совсем немного времени, и это качество будет таким же обязательным условием при приеме на работу, как сейчас, умение работать в команде, ответственность и обучаемость. Тебе, может, валерьянки накапать? Что ты все никак не успокоишься? Ты, конечно, очень талантливая, но выходи уже из образа. Нервные клетки не восстанавливаются.

АЛЕНКА. Я плачу.

АНДРЮША. Я вижу. Это меня, как раз, и беспокоит. Ты вон опухла вся так, что че попало!

АЛЕНКА. Нет. Я плачу. Ты не понимаешь? Я правда за него перепугалась. Я так перепугалась... А если бы он что-нибудь с собой сделал?

АНДРЮША. Ага, щас, кишка тонка. Ты сегодня перенервничала. Все решим. Не парься – все решим.

Звонок.

АНДРЮША. Это скайп. Это мама. Ты вся опухла – не показывайся. Иди в ванную, я с ней поговорю.

Аленка уходит в ванную.

АНДРЮША (разговаривает с компьютером). Мам, привет! Приве-е-ет! Че, как у тебя все? Силуэт только мой видишь? Ну, вот же я машу тебе руками! Так видишь? Это потому что к доктору идти надо – лазером лечить, говорил же тебе. Цены сейчас везде такие... У нас все круто, очень все хорошо. Аленка скоро повидать тебя приедет. Она вольная птица, да и по тебе что-то сильно заскучала. На веле щас катается, ну. Я не смогу – у меня работа, с работой завал. Да мне-то – че? Мне – по приколу. Я так-то люблю свою работу. Эдип, помаша маме лапкой! Приве-е-ет! А? Не, я как-нить потом приеду. Потом, мам, потом. Потом. Да, блять, говорю же, что потом. Че не ясно-то? Ну, все. Ну, давай. Ну, пока. Не боле-е-ей! Лечи-и-ись!

Стук в дверь. На стук из ванной выходит Аленка.

ГОЛОС СОСЕДКИ (за дверью). Вот тут она жила. Теперь – бомжи. Ее домработница там притон устроила, и мужиков водит. Она ее для этого специально и убила, чтоб сделать там притон. Без документов и без разрешения. Труп расчленила, наверное, и где-то спрятала. Но то, что она ее убила – это точно, потому что недавно к подъезду кошка прибилась с Ольги Петровниными глазами. Вот она – свидетель собственной кончины. Смотрите, какая пушистая красавица стала? Она вам сейчас все расскажет – «мур-мур-мур, мур-мур-мур»... А видели бы вы ее при жизни – перекрестились бы. Страшнее атомной войны! Но я с ней всегда дружила, потому что глаза у нее очень красивые были. Смотрите – по кошке видно. Глаза у нее почти не изменились, только совсем круглые стали. А взгляд – один в один, тот же, умный, ее взгляд. Видите, какой осмысленный? Надо тут всех арестовать. Вы на меня так подозрительно смотрите, потому что от меня спиртным пахнет?

10.

Арт-кафе «АтмаСфера». За низким столиком, поджав ноги по-турецки сидят Андрюша и Гоша.

ГОША. Пока ты не начал. Я хочу развязать один кармический узелок, который давно не дает мне покоя. Это нужно было сделать раньше, но я собрался с мыслями только сейчас. Из-за чувства вины, которое живет в моей душе с момента нашей первой встречи на этом самом, кстати, месте, моя аура стала нестабильной и разреженной. И даже поменяла цвет и форму. И это не шутки. Я знаю, с каким снисхождением ты относишься к этим моим, как ты их называешь, «заморочкам». Но это все научно доказано сто раз. Поэтому я хочу попросить у тебя прощения за то, что тогда произошло.

АНДРЮША. Ты мог этого не говорить. Я все сам знаю, вижу, и понимаю. Я на тебя ни разу не в обиде. Ты, может быть, этого еще не осознал, но между нами завязалась крепкая дружба. Кармический узелок. Да, она не похожа на традиционное панибратство, и мы чаще общаемся с тобой, что называется, «на ножах». В наших разговорах всегда полно подводных течений, взаимных уколов и издевок. Но, знаешь, в этом что-то есть – верно?

Андрюша некоторое время смотрит на Гошу и улыбается, Гоша кивает. Вдруг Андрюша становится очень серьезным.

АНДРЮША. Тем тяжелее мне говорить тебе сейчас то, что я должен сказать. Ты должен уяснить, что это все я делаю вопреки собственному желанию, но обстоятельства иногда бывают сильнее нас. Понимаешь?

ГОША. Че, блин, случилось? Не мурыжь меня, я и так теперь вечно на взводе, у меня уже симптомы, меня передергивает всего, как алкоголика со стажем, или кого там еще... Я таблетки эти жру килограммами. Перестань открывать рот, дослушай меня. Я без тебя не вывезу. Это целая компания – но и фиг с ней, ее можно развалить. Плевать я хотел на компанию. Я не вывезу один в принципе. Потому что у меня никого, кроме вас не осталось. У меня и так тихо едет крыша. Ты слышал, что сейчас все болезни помолодели на двадцать пять лет? В моем случае – на все пятьдесят. А тут еще эта аура! Я умираю от эмоционального истощения. Каждый день капельницы, массажи, бассейны, спа-капсулы, терапевты, астрологи, психологи... Я – весь серый. У меня уже глаза черным от горя обведены – мне все говорят. И если ты пришел меня добить – то валяй, жми.

К Гоше подходит рыжая девушка и протягивает ему шоколадку с запиской – «Все будет хорошо».

АНДРЮША. Больше всего на свете я хочу остаться, правда, но... Я расскажу тебе кое-что, а ты не станешь никого осуждать, ладно?

Молчание.

АНДРЮША. Около года назад наша Аленка устроилась к одной женщине домработницей. Она приехала в это город, снимала какую-то комнату в общежитии, и ей надо было на что-то жить. Эта женщина была журналисткой или типа того... Потом она утопилась в реке. Клянусь, я ничего не знал. И, когда Аленка позвала меня жить к себе, я был уверен, что квартиру ей ее папа купил. У нас с Аленкой разные отцы, да. Поэтому иногда мы не совсем понимаем друг друга – это все различия в воспитании, плюс генетика... Сам понимаешь. Короче говоря, не могу ее понять и оправдать в этой ситуации, потому что она скрыла ото всех смерть одинокой женщины, сожгла ее предсмертную записку, и просто осталась жить в ее доме. Вся правда для меня открылась только в день смерти твоей матери, когда в наш дом пришли из полиции. Мы не открыли. Сейчас нам приходится скрываться по знакомым. Их, по правде говоря, у нас в этом городе немного. В общем, сегодня вечером мы возвращаемся в Урюпинск. Я только прошу тебя – не думай про нас плохо. Особенно – про Аленку. Она замечательная. Просто мы всегда были одержимы

какой-то мечтой, она – в большей степени. Она вообще – идеалист и мечтатель по натуре. Вот...

Молчание.

АНДРЮША. Видишь теперь, куда приводят мечты? Гоша...

Молчание.

ГОША. И что? Теперь и-за нее и ты уедешь? Пусть едет одна. Она сама дура, сама во всем виновата.

АНДРЮША. Я просил тебя – не осуждать.

ГОША. Не уезжай. Ты ни при чем, я все устрою, я уже могу. Пока поживешь у меня.

АНДРЮША. Как я ее брошу?

ГОША. Мы заберем ее потом. Где Эдип?

АНДРЮША. Не знаю. На улицу отпустили.

ГОША. Он же слепой.

АНДРЮША. Его, наверное, собаки съели – да? Ну, раз он слепой.

ГОША. Я обожрись антидепрессантами и сдохну от передозировки, если ты не останешься. Я напишу в записке – винить в моей смерти тебя. И я ее размножу, ее не сожгут. Ты маму должен был хоть капельку любить? Не уезжай.

Молчание.

АНДРЮША. А ты знаешь, на что бить. Это не честно.

ГОША. Мне больше ничего не остается.

АНДРЮША. Окей. Я с тобой, парень. Окей, я с тобой. Аленка ждет меня на вокзале.

ГОША. Иди и скажи ей, что все будет нормально. Скажи, что мы все уладим. Наври ей че-нибудь, если она так тебе прям дорога.

Вокзал. Аленка с сумками стоит на перроне. К ней подбегает Андрюша.

АЛЕНКА. А я тебе звоню-звоню. Ты не берешь, я вся поседела. Думала – опоздаешь. Все решил?

АНДРЮША. Давай сумки в вагон загружать. Отправление через десять минут.

АЛЕНКА. А твои где?

АНДРЮША (рассеянно). А?

АЛЕНКА. Где твои сумки?

Молчание.

АЛЕНКА. Андрей?

АНДРЮША. Там в агентстве заморочки нештучные получились. Я сейчас все улажу. Следующим поездом поеду. Не страшно. А то как-то совсем уж по-свински с Гошей получится...

Молчание.

Аленка ставит свои сумки на землю. Потом сама садится на землю. Потом встает. Ходит туда-сюда. Опять садится. Опять встает. Опять ходит.

АЛЕНКА. И меня?

АНДРЮША (рассеянно). А?

АЛЕНКА. И меня?!

Молчание.

АЛЕНКА (улыбается). Не может быть!.. Вернее, конечно, удивляться нечему. Ты же сверхчеловек, я все время забываю. Но так вот, чтобы и меня. У меня не укладывается, представляешь? Я слышу весь шум в твоей голове. Весь, до последней паскудной мыслишки. Слышу и не верю. Тебе сейчас просто нужно перетерпеть эти пять минут, занести мои вещи в вагон... Не важно, что я буду говорить или делать – кричать, плакать, читать мораль, взывать к твоей совести, скотской солидарности или, мама дорогая, к

родственным чувствам... Ты же знаешь, что через пять минут поезд тронется, и ты потопаешь в свой офис свободным и счастливым человеком. Ты прав, что улыбаешься – мне самой стыдно за то, что я сейчас... Это от шока, не обращай внимания, не слушай... Сяду в поезд – помою рот с мылом. Совсем что-то я позиции сдаю. Еще за Гошу за этого так распереживалась – не хорошо, не профессионально.

АНДРЮША (улыбается). Что?

АЛЕНКА. Даже меня... Поразительно. Надеюсь, выменял на что-то стоящее? Пунктов пять покроешь? Хорошо, если так. Все-таки, такого чуткого подельника теряешь. Скажи – пройдет еще совсем немного времени, и такие отношения будут такими же естественными, как... Что? Или нет, не так. Пройдет совсем немного времени и такие отношения будут единственно возможными. Только не понятно, на чьих чувствах спекулировать, если все вдруг станут такими умными и расчетливыми, как мы.

АНДРЮША. Давай, помогу с сумками.

Оба ржут.

АНДРЮША. Тыходишь во вкус. Совсем не жизнеспособная стала. Надо домой – отдохнуть, полечиться.

Ржут.

АЛЕНКА. Затаскивай сумки! Затаскивай!

Аленка смеется, Андрюша помогает затащить ей сумки в поезд. Он выходит из вагона. Стоит на перроне, машет Аленке рукой. Она выглядывает в окно, тоже машет.

АЛЕНКА. Маши, маши! Маши сильнее! Подавай признаки! Маши-и-и!

Поезд уезжает.

12.

Гошина квартира – просторная, светлая, с высокими потолками. Гоша показывает Андрюше свою комнату. Здесь нет лишних вещей, вся мебель – белая.

АНДРЮША. Я в Раю?

ГОША. Пока тут. Раньше была моя комната. Я сейчас к маме перебрался – там просторнее.

АНДРЮША. Мне здесь нравится, очень круто. В этой стене можно будет просверлить две маленьких дырочки?

ГОША. Все, что хочешь.

АНДРЮША. Прекрасно, прекрасно, прекрасно...

ГОША. Что у тебя в газетах?

АНДРЮША. Школьная доска. Небольшая. Она просто такой специальной краской выкрашена, что на ней можно мелом писать. Потом стирать влажной тряпкой – и снова писать.

КОНЕЦ. 16 апреля, 2014 год.